ХРАНИМЫ СВЕТОМ И ТЕПЛОМ

Андрей Дементовь

* * *

Крещенскую полночь Встречает нежданно метель...

И кружится снег

Посреди колокольного звона.

Вхожу в неземную его акварель, Гле небо склонилось

Над миром влюблённо.

Крещенская полночь –

Пора ожиданий и грёз.

И светится Образ

Над нашей душой и молитвой. И в очишенье невидимых слёз

Всё горькое в нас

Прощено и забыто.

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

Нарастает подземный гул, Содрогается Божий мир — То сбирает войска Вельзевул На похмельный, кровавый пир.

А навстречу – небесная рать Выступает за строем строй. Уж седьмая снята печать. Вострубил уж Ангел седьмой.

* * *

Сменился кромешною тьмою Дневной ослепительный свет. Разверзлась над грешной землёю Нездешняя бездна планет.

г. Москва

Так Образ таинственный Бога Земному жильцу не узреть. И лишь пред Последним Порогом Его открывает нам Смерть.

Свейлана Селиванова

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО

Над сиротливыми полями, Над запустелой бороздой, Над деревенькою печальной Заводит ветр унылый вой.

И гнёт дряхлеющее древо Полян, славутичей, древлян. И внемлет вечности напеву Душа соборная славян.

Вкруг неподвижного светила Бессменно путь вершит Земля, Даря живительную силу Ночной тиши и шумам дня.

Какой энергии подвластна, Кто правит ею и велит Из века в век кружить в пространстве Меж Сцилл небесных и Харибд;

Чтоб человек, греховный, бренный, Храним был светом и теплом? ДВА ЛИЦА

Добро и зло и свет и тьма,

Вчера почти не различимы, Сегодня бороздой делимы – От пули эта борозда.

И бездны грозные Вселенной

Послушно замыкать кольцом,

Я вижу пленника Бесова, И чую Сатаны гонца,

В ком ненависть к Христову слову -Наследство страшное отца –

Менялы в храме, фарисея, Живого Бога палача, Кто не услышал Моисея, Тельца златого предпочтя.

Но и иные всходят лица. Чей взор Спаситель озарил, Кто в храм вошёл, чтоб помолиться, Кто душу Богу посвятил.

Два племени среди народа, Две силы есть – добра и зла. Одни ведут свой род от Бога, Другими правит Сатана.

ОНИ И МЫ

Они и мы – как обозначить, Словами как определить,

Когла за спинами маячит Знак – жить России иль не жить?

Услышать Твой призывный клич?

И, вчитываясь в тайну Знака, Я силюсь, Боже мой, постичь, Как отличить Твой свет от мрака, Греховности, житейской свары, Вражды, отчаянья, зла, И вспомнить силится, что кары Не убежать. Зависнет мгла

Я знаю – время подступает,

Свершится скоро Высший Суд.

Оно уж рядом - сердце знает,

Но ум не вырвется из пут

Над той душой, что изменила, Что в хороводе с Сатаной На игрища его вступила, Глумясь над милой стороной.

В Фаворском свете окоем, И ты, измученный Мессия, Впусти меня в Твой бедный Дом!

На руинах великой державы,

Среди гиблых земель, одинок,

Из-под груды металлов ржавых Пробивается нежный росток.

Небесная моя Россия,

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

И энергии тайной подвластен, Наливается силой живой На ветру, на юру, средь ненастья, Под метели таинственный вой.

Неопальная купина Восстаёт из державного праха, Дивной мощи и жара полна. И божественный куст терновый Пламенеет, презревши тлен, И гремит над Россией суровый

Глас Господень -

То, не ведая смерти и страха,

Восстань с колен!

Uropo Enuceeb

От сумы и тюрьмы

но пропащую душу

да и сами мы живы,

Бог предел положил

но когда-нибудь всем

Ave, Caesar! Зачем нам

если здесь, рядом с нами,

Брат, напрасно ты думал,

Пусть мы здесь не сумели

наши мёртвые всех нас

и к Отцу отведут.

Потому что и нас

Наших мёртвых помянем.

Это сделать мы вправе и в силе. Просто вспомним о них –

неуместен здесь праведный суд. Потому что о нас

тоже скажут когда-нибудь: «Жили!» –

да, о нас, о которых сегодня бубнят все: «Живут...»

мы скрываемся в логовах комнат,

в мирах не упрятать иных.

покуда мы помним о них.

наши мёртвые все ещё помнят,

между этим и будущим светом,

предстоит перейти Рубикон.

Чтоб не твердить оставшиеся дни,

не ведая законов всех и правил: «Илі, Илі, лама савахфані?

> Господь, Господь, зачем меня оставил?» г. Ростов-на-Дону

Anercange Unugin ИКОНА

И я у моря истово молюсь, когда-то почитавший слово nihil, о том, чтоб из руин восстала Русь

молюсь, чтоб вдохновение моё

опять не погрузились в забытьё,

не дав и шанса малого надежде.

и белый свет смиренным стал и тихим,

и яркий свет, во мне горевший прежде,

Ожидал встречи С Богом

А ткнулся лбом В холодное стекло

стремиться к далёким планетам, Когда-то давно В рассветные годы жизни Вернулся домой судейский твой высится трон? Из дальних краёв

Торопя радость встречи

Прижал лицо к окну

что мёртвые сраму не имут.

ни чище, ни праведней стать,

когда-то в объятия примут

Вглядывался в застеклённый сумрак Ещё не пробудившегося дома И вдруг за стеклом **Уви**дел

Отца

Ждали.

Бежит река средь низких горных гряд, лежит туман

И небеса по-прежнему гремят,

как это было и во время оно.

в зелёных складках склона.

Остающимся здесь – исполать!

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

Пришли святить куличи, яйца, В общем, всякую снедь. Стояла толпа.

РУСЬ

Русь широка, Русь глубока, как море...

Навек застыла в рвущемся просторе

Где в чащах потаённых дремлют совы,

И, неизвестный день встречая новый,

Где, верные воинственным народам,

стоят в молчанье гордом

задумчивые волны

Хранят преданье древние холмы,

Где церкви, на брегах озёр белея,

И солнца диск, за тучами бледнея, Струит лучи из громовых завес.

Где на границах северных безмолвно Твердыней встали древние кремли,

Где камень стёрт песчаными ветрами

По склонам величавых древних гор, И сосны обнажёнными корнями Плетут на них змеиный свой узор,

Несли по рекам чёлны и ладьи.

Когда-то неприступные валы.

Глядятся в отражение небес

И средь степей

И, вдаль стремясь,

Её хранят безбрежные леса.

Укрыли ели огненный цветок

Горит зарёю рдеющий восток.

Чарующая, дикая краса.

Батюшка вышел, Кропилом махал щедро. Махнул и в нашу сторону.

Солнышка ещё застенчивого робкого.

И я с тобой с боку припёка

Капли горели на солнце Россыпью самоцветов,

Как в детстве почти беспамятном, В Новопокровке, Сосланный мальчик-немчик,

Обливал нас младших из кружки Счастливой водой. Вот и сегодня Опять

Попал нечаянно Под слепой дождь благодати. г. Берлин

Tpuropuŭ Nebyob

Где тот глагол, что некогда Адаму Был послан свыше Господом самим?

Я на пути к неведомому храму, Иду к твердыням древним и немым. Где некогда вознёсся дивный город, Вобравший всё величие Земли,

Там ныне лишь пустыни веет холод, Лишь тлен и прах приют свой обрели.

Вотще ты ищешь, путник запоздалый, Следов его величья прежних дней. Увы, на месте башни величавой

Лишь жалкие развалины камней.

Вспять не вернуть рассеянных народов,

Не станет плотью древний их язык. Безумством не достичь

надмерных сводов. Нет, дерзкий раб не узрит Божий Лик.

Лишь Богом вдохновенные поэты,

И свет небес лежит

И где на островах

Таятся одинокие скиты,

в просторах водных Немым заклятьем вечной красоты.

средь вод холодных

Там ветр играет рябью бесконечной

На гладях голубеющих озёр, И схимник, сотворяя путь свой вечный, Грядёт за вереницу дальних гор...

В ночи послышат вещий праязык.

Храня в душе Вселенной первый крик,

В следах наречья, канувшего в Лету,

Поклонись золотому закату.

Ты постигнешь предвечную тишь

И взывающий голос над тризной...

Над забытой и древней отчизной.

На полях чуть заметные тени легли

В золотистом окладе зари

за чертогом осенних лесов

журавлиных псалмов,

в осенних долах

Позолотой вечернего солнца.

Я смотрю в вышины...

В небе слышится хор

Далеко-далеко,

Там Твоё голубое оконце.

Ты смежила усталые вежды ...

На безбрежных просторах,

Разметались убогие села.

Бьётся криком последней надежды.

В златозвонных узорных лесов теремах

Ты, вселенского горя изведав сполна,

Ты печалишься грустью весёлой.

Претерпев несказанные муки,

Вознеслась над градами,

Цвет грядущей лазури узришь

Средь свечей пред крестом в глубине Твоё сердце горело лампадой, Хоры славили Имя Твое.

Скорбный путь, наречённый Тебе.

Уходил золотой колоннадой,

Обагрилось пречистою кровью Вознесённое Древо Креста. Преломилась нездешней любовью

Складка мук, что сомкнула уста. В руце чистые душу живую Ты Небесного отдал Царя. Но разбудит ли душу иную

Над пустыней Твой глас, вопия? ПАСХА

Растекалось медом Солнце в небе сонном,

Пело горним горном, сонмом в небе звонном. Ликовали лики радостью бездонной, Расиветала Пасха

посохом бездомным. Пасха 2010 года

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ В МОСКВЕ

Человеческим голосом пела пила, И весна из темнеющих лужиц пила

Возле храма в святом переулке.

И какая-то нега повсюду плыла...

В небе звонами таяли колокола И смолкали, протяжны и гулки.

Анне Ахматовой

простёрла к Всевышнему руки.

И когда закачаются кисти рябин

Заслонила,

На ветру по околицам ржавым, Ты, Святая, придёшь Светлым заревом

из осенних глубин дальних пожаров.

где стонет беда,

г. Москва

Владимир Берязев БЕЛЫЙ СТАРЕЦ

Юрию Кублановскому

Как часто ты, придя на Соловки, Искал следы Зосимы и Луки, И, осязая каменную кладку,

Что коренится в холоде морей, Воображал, что сам Гиперборей Её слагал, как дань миропорядку.

Как часто я, блуждая средь камней, Под литии божественных теней Желал коснуться сонного величья Героев азиатского шатра,

И мертвецы с высокого одра Мне царственное слали безразличье. И вот мы вместе едем от широт

Полуночных; обителью сирот, Собак бродячих, бомжиков весёлых, От мглы губернской, дрязг и толчеи,

Одолевая тернии ГАИ

И бражничая в подорожных сёлах. Уже равны в симпатиях – Далай-Лама и Мирликийский Николай, Их рядом садит смуглый дальнобойщик

На хрусткий скотч в углу лобовика, Пока, пока! Дорога далека... Самса, манты, да лобио, да борщик,

Шашлык-башлык, потом базар-вокзал,

До перевала – двести пятьдесят,

Поди не всё, приятель, рассказал, Останется до следуйщего раза.

Как знамена там беркуты висят... О, трубный звук идущего КамАЗа!

Дорогу невозможно победить, Но лишь – пропеть! Уже не нам судить,

III И скрытный люд

Звезда Монгуш

Насколько долгим будет наше эхо. Вон белый старец посохом грозит Кому-то... и по воздуху скользит...

глядит в полы прореху...

по сумрачным скитам, И казаки, пришедшие к братам, С надёжей на Николу Чудотворца

В большом пути, с иконкой на груди, Молилися: «Никола, огради От козней – всею силой дивноборца!»

А северный монгол и тубалар Или тунгус, везущий на базар

Вязанку соболей и белоснежных Песцов, и переимчивый ойрат, Все повторяли – розно и стократ: «То старец наш,

спаситель безнадежных, Являвшийся в погибельных местах, Его халат всегда в косых крестах, Наш белый старец,

самый добрый старец, Кто с ним пришёл, однако, не враги!» И возводили храмы казаки, И съёживался тьмы худой останец. Свой частокол слагал полуустав

В живую цепь молитвенных застав Под строгой башней буквицы заглавной. Дорога открывалась на Восток, И лотоса небесный лепесток Был испещрён молитвой православной.

Отсюда унесли во все концы

Сынов Адама древние сандальи.

IV

Надменный нрав подале убери,

Уж коли взял меня в поводыри, Смотри, мой друг, в заведомые дали, На вечные долины и гольцы,

К столпам златой Прародины взорли, Сюда со всей Евразии везли Царей, вождей, шаньюев и хаганов.

Десятки тысяч каменных курганов!

Молва гласит о дереве племён,

Краеуголен сон начал времён –

То Святогорья тайный пантеон,

Под ним сундук неназванных имён, Что запечатан до конца эона.

От дней Потопа – тризны каждый год, О сих местах дотошный Геродот: «Страна могил», -

Вот в эти горы – на Большой Алтай Является святитель Николай С заботою о будущем и прошлом,

поведал удивлённо.

Пути готовит для Святой Руси, Прямыми её делая стези В ядо-кислотном мороке безбожном.

Закат, и в опустелых чайханах Сошло на нет басовое роенье... Хребты росли в коралловом огне,

Нас настигал, привстав на стременах,

Долины золотистый достархан Остерегал гранитный истукан С полудремотным взором ясновидца.

Взгляни на нас, радетель пастухов, Паломников, бродяг и пилигримов! Мы расплеснём на дальнем рубеже,

Смеркалось. День сгорел – и был таков.

И наши души в колокольной тишине

Опровергали мира нестроенье.

Катунь притихла, обнажив порог, И бирюзы осенней разворот

Бил по глазам, просил остановиться.

Свирель и рифма в нашем багаже Да – вера, что поднесь необорима. Здесь можно необъятное объять, Лишь эти горы смогут устоять

Под самохвальства

гибельным раздраем... Святитель нам вернуться разрешит, Ведь мы не хуже тех, кто здесь лежит, Мы тоже о покое помышляем.

Из Альманаха «Казахстан – Россия – 2017». Подготовила Л. Шашкова.

Февраль – март 2004

г. Новосибирск